

Раздел 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 81'373

КРЫМСКИЙ ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ М. ЗЕРОВА

М. А. Новикова

Статья впервые вводит в научный обиход крымский цикл стихотворений М. Зерова (русский перевод автора статьи). Описан также зеровский концепт “Крым”.

Ключевые слова: М. Зеров, цикл стихотворений, Крым, концепт, перевод.

Цель настоящего сообщения — ввести в крымский филологический и научный обиход цикл стихотворений Микола Зерова, Крыму же и посвященный. Писался этот цикл под впечатлением от двух летних крымских поездок (1926, 1927) и летнего же путешествия по Днепру (1934): оно завершилось в Херсоне и тоже напомнило поэту о Крыме. Всего цикл насчитывает 4 сонета, 4 элегии, написанные александрийским стихом, и 2 дистиха (искусная имитация древнегреческих стиховых размеров). Но прежде, чем говорить о цикле, сказать следует о его авторе.

Сегодня для нас Микола Костевич Зеров (1890 – 1937) — мэтр-“неоклассик” украинской поэзии XX века, общепризнанный основатель современной школы украинского поэтического перевода, теоретик, историк и критик перевода и литературы, стилист-компаративист. Если прибавить сюда титул профессора и основательнейшее гуманитарное образование, полученное в Свято-Владимирском Киевском университете (естественно, еще до революции), а затем годы преподавания в нем же, — то перед нами, казалось бы, вполне благополучная академическая карьера. На самом деле ее — такой — не было.

После революции “неоклассики” (и вообще — люди прочной культурной традиции) подверглись сначала политико-идеологическому разгрому, а позже и прямым репрессиям. Уже к началу 1930-х годов Зерова лишили возможности печататься, а затем и работать. В 1935 году его арестовали как “контрреволюционера” и сослали на Соловки, где в 1937 году он был расстрелян. До этого он успел закончить в лагере переводы “Энеиды” Вергилия и “Песни о Гайавате” Лонгфелло. Обе рукописи погибли. Все печатные работы Зерова оказались под запретом; некоторые его переводы удалось опубликовать анонимно; однако открытая публикация его наследия началась только в 1960-е годы и полностью еще не завершилась. Огромную роль при подготовке этих публикаций сыграл Г. П. Кочур: ученик Зерова, один из лидеров украинского перевода 1960-х – 1990-х годов; подобно Зерову, фантастический эрудит и полиглот (и многолетний репрессант). Еще при его жизни, с 1988 года, автор

настоящего сообщения начал переводить лирику Зерова на русский язык — при внимательнейшем консультировании и беспощаднейшей редакции самого Кочура.

“Крымский цикл” Зерова бесконечно далек от любительских или комплиментарно-“гостевых” стихов. В Крым приезжал не турист и не дилетант, а профессионал-античник и виртуоз-переводчик (воссоздававший, в частности, книгу “исторических пейзажей” в сонетах — “Трофеи” Ж. Мария де Эредиа). Оттого, — пользуясь когнитологической терминологией, — слот “крымского пространства” в зеровском цикле необычайно насыщен. Его детали пластичны и красочны; его лексика конкретна и точна.

Так, цикл запечатлел едва ли не все особенности крымской природы. Крымские почвы: “известняк горячий” юго-западного Крыма, диорит “под темными боками Аю-Дага”, “сыпкий сланец” южнобережных склонов. Крымский рельеф: “оранжевые” и “седые” скалы, “сухие промоины” обмелевших горных речек, “морем обветренные” утесы, “прозрачный фиолет” — окаменевшие “волны дальних гор”, “облачные броды” перевалов. Крымскую растительность: “черные сухие веретена” кипарисов, “скаты виноградные”, “зеленобокие буки”, “непролазный терн” в “колючих и сырых” буераках, “хвойный гамак” кедров, “зонтик пиний”, “полынистый ветер” крымской яйлы.

Изобилует цикл и крымской онимией. Встречаются в нем и гидронимы-названия крымских рек: Салгир, Альма, Кача, Теберда; и оронимы-имена крымских гор и нагорий: Чатыр-Даг, Эклези (бурун), Аю-Даг, Бабуган; и урбанонимы: Гурзуф, Партенит, Карасан, Херсонес. Мифонимы вводят в цикл персонажей одного из наиболее знаменитых крымских мифосюжетов: об Ифигении в Тавриде. Это богиня Артемида, сама Ифигения, ее брат Орест, его друг Пилад. Есть в цикле и этнонимы: скифы (сколоты), эллины, этноним-мифоним “лестригоны”; имплицитно присутствуют тавры и крымские татары.

Любопытно: цикл начал вызревать в поэтическом сознании Зерова задолго до того, как был увиден Крым реальный. В 1921 году пишется элегия “В степи”, где уже возник “исторический пейзаж” скифской степи и приморского эллинского Херсонеса. В 1922 году создается сонет “Овидий” и “овидианская” элегия “Бессмертие”; в них окончательно закрепляется мотив “варварской” степи в оппозиции к “античному” городу (и миру) самого поэта. В те же годы формируется “одиссеевский” сонетный цикл (“Навсикая”, 1922; “Лотофаги”, 1926.05.02., т. е. до поездки в Крым). Он продолжится в “крымском” сонете “Лестригоны”. Крымский след вообще тянется в зеровской поэзии долго. “Гурзуфские” дистих и элегия (“В мазанке белой проснусь...”; “Вечер”) будут написаны через семь лет после второй встречи с Крымом: в предпоследнем творческом году Зерова — 1934-м.

Географически — зеровское лирическое освоение Крыма локализуется четко. Вначале — крымская степь; затем — предгорье во главе с Чатыр-Дагом; потом — бухта между Карасаном и Партенитом; далее — Гурзуф; потом — Ай-Петри и Бабуган-яйла; за ними — верховья Качи; наконец, Херсонес и снова степь. Т. о. цикл в целом, описывая огромную дугу, охватывает все главные природные зоны Крыма, за исключением восточной.

Но можно ли утверждать, что Крым в этом цикле — не просто набор культурно-исторических реалий и ландшафтных подробностей, а целостный концепт? Такое утверждение возможно; концепт “Крым” у Зерова есть; но концепт этот, будучи целостным, внутренне сложен и даже противоречив.

Две доминанты определяют его структуру: “дикий край” и “вечная Эллада”. “Дикий край” — это мир варварства. В нем “курганов сизый ряд”, “вдоль неба <...> непуганные кони”, “телеги и шатры сколотовых дружин”, — если это мир скифский; “загнанные рабы, прислужники овец”, “селения тоски, злосчастия и стоннов”, где “пьют кровь сырых сердец” и “гостеприимства <...> не ведают законов”, — если это край лестригонов. (По одной из версий, Гомеровы лестригоны — древние обитатели нынешней Балаклавской бухты. Не исключено, что так в античном сознании преломился образ тавров.)

Этому варварскому миру противостоит мир эллинский. В нем “шум и улицы <...> Херсонеса”; в нем “чудеса Архипелага” (т. е. греческих островов в Эгейском море), как бы перенесшиеся на Таврический полуостров; в нем живет атмосфера “праматери Эллады”: “певучие сны” ее поэтов, “разлогие челны” ее мореплавателей, мраморные статуи ее “невиданных богов”. Все эпитеты к этому миру (слоты качества и оценки) неизменно позитивны.

В чем же тогда состоит противоречивость зеровского Крыма — этого двуединого мира и двуединого концепта? В том, что, во-первых, это мир и концепт не двуединый, а “мультиединый” — мультиверсум, в современных социокультурных терминах. Во-вторых же, мир (и концепт) “Крым” размещен не только в прошлом, — хотя бы и “вечно живом” прошлом (слот времени). Он размещается и в настоящем. Причем это настоящее — не только повсеместные следы античности, не только “всевремя” крымской природы, но и злободневное время современности: время социальных распрей, идеологических битв, надвигающихся репрессий. Это “ненастоящее настоящее” (перефразируя формулу Л. Мартынова) уже вплотную надвигается на лучезарную “крымскую утопию” Зерова.

Скорее всего, именно этим объясняются и некоторые лакуны в крымском мультиверсуме Зерова. Его приметливый глаз культуролога не мог не увидеть крымскотатарского Крыма. В середине 1920-х гг. Крым этот присутствовал еще повсюду, — особенно в тех местах, где Зеров жил (окрестности Аю-Дага) или путешествовал (долина р. Теберда). Однако “крымскотатарский слот” его крымского цикла почти пуст. Есть лишь “деревни с тощим (т. е. бедным) минаретом” в долине р. Салгир; есть “чабан” на вершине Чатыр-Дага; есть “бурка”, в которую заворачиваются путешественники, ночуя у костра. Заметим, кстати: крымскотатарские реалии у Зерова малочисленны, но в высшей степени точны. Они предполагают глубокие фоновые знания и личное знакомство с жизнью крымских татар. Только при таких условиях можно знать, что выгонное овцеводство действительно концентрировалось прежде всего на яйле Чатыр-Дага; что в оптической перспективе салгирской долины, кроме “царствующего властно” Чатыр-Дага, наиболее приметны были минареты крымскотатарских деревень; что “черешни под отвесным парпетом” — это чисто крымская (сначала греческая, позднее татарская) система садоводства:

выращивание деревьев на рукотворных террасах, с каменными опорными стенами. И т. д.

Итак, современный Зерову мультикультурный Крым в его циклах присутствует, но на заднем плане. Отчего же?

По своему филологическому и человеческому воспитанию Зеров был и остался человеком классических вкусов, ясной, гармоничной этики. Недаром и в украинскую поэзию он как переводчик стремился ввести прежде всего греко-римскую поэзию, а из французских авторов — парнасцев (Леконта де Лилля и Жозе Мариа де Эредиа), а не, положим, “проклятых” или символистов. Воспевание любой стихии, любых мятежей и революций, так пьянивших и Блока, и Цветаеву, и Маяковского, и Тычину, — для Зерова решительно невозможно. Невозможны и “приветственные гимны” новым “скифам” или “гуннам”, которые “нас уничтожат” (В. Брюсов). Слишком ясно видел Зеров в Киеве 1918 – 1919 гг., а затем в разоренных подкиевских селах, где он учительствовал в начале 1920-х гг., спасаясь от голода, — как реально выглядит “новое варварство”. (См. его сонет “Обры”.) Видимо, поэтому он, прекрасный знаток древней, средневековой и новейшей истории, не старался (как поэт) воспроизвести полиэтничный Крым в полном объеме. Причем имперское сознание было Зерову абсолютно чуждо. “Варварство” для него — категория не имперская, не этническая, а этическая и эстетическая: мир без милосердия и без гармонии. Оттого-то, по-видимому, так мало в его цикле крымскотатарских примет. Относить мир крымских татар к миру “варварства” Зеров не хотел, а к миру “эллинизма” — не мог.

Подведем некоторые предварительные итоги. Крымский цикл Зерова — не только факт украинской поэзии XX века, не только лирический документ своей эпохи, не только образчик языкового богатства и отточенной стихотворной техники. Он — еще и неотъемлемая часть виртуальной пока “крымской антологии” внутри славянских (и шире, европейских) литератур. А такая антология, — рано ли, поздно ли, — но будет собрана и опубликована, ибо без нее Крым как “образ мира” (*imago mundi*, по-средневековому) был бы неполным. Такой “Крым-миф” многое способен дать и учителю-гуманитарию, и вузовскому преподавателю, — не одним лишь лингвистам или литературоведам, но и культурологам, историкам, этнографам, социологам, философам. Для лингвистов, в частности, “крымская антология” была бы важным подспорьем при разработке проблем этнокогнитологии, мультикультурности, полилингвизма и лингворегионалистики. Для переводчиков и переводоведов (крымских и некрымских) такого рода инициатива послужила бы и практическим полем деятельности, и моделью для издания аналогичных антологий в других регионах. А для ученых-методистов и методистов-практиков здесь заложен превосходный материал, одинаково адекватный для целей и профессионального, и эстетического, и этического воспитания.

Список литературы

1. Кочур, Григорий. “Но вспомнишь ли у новых берегов...” // Лит. обозрение. — 1989. — №9. — С. 62 – 63.

2. Новикова, Марина. [Переводы сонетов М. Зерова.] // Там же, с. 63 – 64.
  3. Новикова, Марина. Таврия Микола Зерова // Крым-90 / Альманах. — Симферополь: Таврия, 1990. — С. 69 – 71.
  4. Новикова, Марина. [Переводы сонетов М. Зерова.] // Там же, с. 71 – 73.
  5. Новикова, Марина. Наставники: М. Зеров // Марина Новикова, Міфи та місія. — К.: ВД “Дух і літера”, 2005. — С. 57 – 60.
  6. Новикова, Марина. В поисках утраченной сказки // Там же, С. 26.
  7. Новикова, Марина. Микола Зеров: поезії // Ойкумена. — 1992. — №1. — С. 103 – 104.
  8. Кочур Г. П. [Листи до Марини Новикової.] // Collegium. — 1998. — №1/2 (7 – 8). — С. 219 – 229.
  9. Новикова, Марина. Г. Кочур — редактор перекладів із Зерова / Из власного досвіду // Дзвін. — 2005. — №5 – 6. — С. 42 – 43.
  10. Зеров, Микола. Стихотворения / Пер. и комм. М. Новиковой / Комм. К переводам Г. П. Кочура. — Симферополь: Крымск. Архив, 2007. — 150 с. (В печати.)
- Лингвистические чтения. Памяти профессора О. М. Соколова (К 80-летию). 2-я международная конференция. 25 – 27 октября 2006 г. Симферополь.

Новикова М. А. Кримський цикл віршів М. Зерова.

Стаття вперше долучає до наукового обігу кримський цикл віршів М. Зерова (російською переклала авторка статті). Описано також Зеровський концепт “Крим”.

Ключові слова: М. Зеров, цикл віршів, Крим, концепт, переклад.

Novikova M. A. The Crimean cycle of poems of M. Zеров.

The paper introduces M. Zеров’s “Crimean series” of poems into philological run-over (first translation into Russian made by the paper’s author). It is also supplied with a description of the Zеров’s “Crimea” as a concept.

Key words: M. Zеров, series of poems, the Crimea, concept, translation.

Стаття поступила в редакцію 9 ноября 2006 г.